

ВРЕМЯ

Z

АЛЕКСЕЙ СТОПИЧЕВ

БОСИКОМ ПО СТЕКЛУ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С81

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Мария Балясникова*

При оформлении издания использованы материалы
интернет-портала Минобороны России <https://mil.ru/>
и Издательского Дома «Мир Белогорье».

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Стопичев, Алексей

С81 СВО. Босиком по стеклу: Очерки и рассказы /
Алексей Стопичев. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2025. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-172200-5

Специальная военная операция высвечивает людей, будто прожектором. И становится видно, кто чего стоит. Напускное быстро слетает, и остаётся истинное, глубинное.

В книге собраны описания судеб людей, столкнувшихся с ужасами войны. Невыдуманные истории военных, медиков, волонтёров: чьих-то отцов, братьев, сестёр и матерей — НАШИХ.

Непредсказуемая жестокая реальность поднимает важные вопросы о выборе и ответственности, о мужестве и долге.

Война без прикрас и замалчиваний — события, происходящие на фронте и в Приграничье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-172200-5

© Алексей Стопичев, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Сборник посвящается моему другу Валерию Тесленко, погибшему при исполнении служебного долга. Он — герой одного из рассказов и просто Герой, который изо дня в день делал опасную работу, обезвреживая вражеские боеприпасы. Мы постоянно сталкивались по работе и часто общались вне её. Он работал в Шебекино и Грайвороне, Белгороде и Валуйках. Везде, куда прилетали вражеские снаряды и ракеты. Его не стало 15 мая 2024 года. И я считаю — наша задача помнить о нём и о других таких же тружениках, ежедневно выполняющих свой долг...

Рассказы

Никто, кроме нас

Начальник поисково-спасательной службы Белгородской области Валерий Тесленко только-только пришёл домой, повесил куртку и спросил весело у встретившего его сына:

— Мама на работе ещё?

— Ага, — ответил тот и пошлёпал в комнату, прокричав уже оттуда: — Еда в холодильнике, пап!

Но до холодильника мужчина дойти не успел. Тишина выходного дня взорвалась громким звуком, и Валера увидел в окно клуб густого чёрного дыма прямо в центре Белгорода. Он жил недалеко от площади и сразу понял, что взрыв произошёл где-то возле универсама. Вскочил, чувствуя в груди пустоту, и крикнул сыну:

— Паша! В коридор!

Стёкла задребезжали, когда взрывы раздались снова и снова, но Валерий Николаевич уже их не слушал. Он схватил форменную куртку и выскочил в подъезд, одеваясь на ходу. Бегом бежал по лестнице, продевая в непослушные рукава руки. Пролёт, второй, третий. Вот и выход из подъезда. И в распахнутую дверь вместе с морозным воздухом ворвались людские крики, рёв автомобильных сирен и плач.

Валера завернул за дом и увидел лежащее на земле тело, воронку от взрыва рядом с магазином и людей, мечущихся по улице. Привыкший к чрезвычайным ситуациям спасатель сразу рванул к месту взрыва. Увидел иссечённые осколками машины и двоих мужчин, растерянно стоящих рядом.

— Там мужик в машине! Раненый! — заорал один из них Валере, увидев форменную куртку спасателя.

В это время с выматывающей душу сиреной рядом остановилась скорая помощь. Молодая медик заорала им:

— Раненые есть?

— Есть! — крикнул спасатель и кинулся к машине.

Там, на переднем сиденье, закатив глаза, лежал мужчина лет сорока. Валера быстро осмотрел раненого, но видимых повреждений не обнаружил. Повернулся к другим людям и командовал:

— Вытаскиваем!

Мужчины, не обращая внимания на гарь, копоть и угрозы взрывов, кинулись к машине. Кое-как достали грузного мужчину, уложили. Тот открыл рот, но даже не застонал. Лишь закрыл глаза и затих.

— Тащим, тащим! — командовал спасатель, а медик открыла дверь скорой.

Подбежали другие, вшестером мужчины донесли пострадавшего до скорой помощи и загрузили в машину.

— Тут ещё раненый! — закричал кто-то от магазина, и Валера кинулся туда.

Время, как всегда в экстренных ситуациях, замедлилось, растянулось в немыслимо долгие секунды. И вместе с кровью билось в висках одно слово: «Успеть!» С каким-то незнакомцем они увидели в магазине всего изрезанного осколками мужчину. Тоже молодого — не старше сорока. Этот лежал на полу и стонал. У раненого кровоточили руки, ноги, лицо. Спасатель и незнакомец принялись быстро накладывать жгуты. Перемотали руку и прямо на повязке записали маркером время для медиков. И в висках вместе с кровью стучало слово «успеть».

Когда наложили жгуты, Валера выскочил на улицу и увидел всё ту же скорую.

— Почему не везёте раненого? — заорал он. — Везите в больницу!

— Живых везти надо, — дрожащими губами ответила медик. — Ему... уже не надо.

Валера рванул ворот и потребовал:

— Носилки давайте! Там живой!

И вновь назад, в магазин, чтобы уложить раненого на носилки. И только вынесли — включилась сирена воздушной тревоги.

— Назад! В укрытие!

Спасатель развернулся, увлекая незнакомца, они заскочили в магазин и аккуратно положили раненого. Вместе с ними заскочили медики, другие помогавшие на улице.

— Да что же это такое? — всхлипнула какая-то девушка. Она испуганно прижалась к стойке

и сидела, обняв колени, сторбившись, с ужасом глядя на окружающих.

— Обстрел это, закончится сейчас, не бойтесь, здесь безопасно, — принялся кто-то утешать плачущую.

А работники скорой быстро проверили жгуты, повязки на раненом и показали невольным спасателям большой палец.

Только сирена затихла, Валера с другим мужчиной схватил носилки и вновь побежал к машине скорой помощи. В этот раз сирена не помешала, и раненого загрузили. Машина, включив сирену, уехала, а незнакомец перекрестил её вслед. Спасатель даже имени не спросил у случайного помощника, лишь пожал руку и побежал дальше, к перекрёстку. Там образовался настоящий затор из машин, и гаишник уже явно зашивался, срывая голос на обезумевших водителей.

— Помощь нужна? — спросил спасатель, и полицейский кивнул, замахал руками, что нужна, мол.

И Валера кинулся на перекрёсток, регулировать движение, чтобы пропустить пожарные машины и скорую помощь, несущиеся в центр. Позвонили с работы, и Валерий Николаевич прокричал в трубку:

— Я в центре! Все сюда!

И регулировал движение, даже когда опять включилась сирена. Стиснул зубы и махал руками, приказывая отъехать, убрать машины с пути пожарных и скорой помощи. Он уже привык к опасности, бывший десантник, много лет работающий

спасателем. Уже работая в поисково-спасательном центре, в Москве отучился на сапёра и постоянно ездил на неразорвавшиеся боеприпасы. Вытаскивал, вывозил, успокаивал людей. И раз за разом улыбался и повторял жене, укоряющей за безрассудство, девиз десантников: «Никто, кроме нас»...

Валера увидел, как водитель иномарки остановился, достал телефон, начал снимать место взрыва, и заорал, озверев:

— А ну проезжай, пока я тебе телефон не за толкал в одно место!

Когда к нему подъехали спасатели, улица уже была свободной. Валера пожал руку гаишника и сказал:

— Мы дальше, работать.

Полицейский с уставшим, посеревшим лицом кивнул ему и остался на перекрёстке. А Валерий Николаевич с другими спасателями мчался с вызова на вызов и смотрел, смотрел на разбитые окна и витрины, на выщербленный асфальт. На гарь и копоть. И работал, вновь и вновь ныряя в истерзанные подъезды, иссечённые квартиры, ощущая себя таким же истерзанным и иссечённым. Но, прибыв на очередной вызов, Валера шептал сквозь зубы «Никто, кроме нас» и нырял в подъезд...

Домой спасатель вернулся поздно ночью. Поднялся, пошатываясь, по ступеням, прислонился лбом ко входной двери, чувствуя, как провонял гарью пожаров. Вздохнул, тихонько открыл дверь и зашёл в квартиру. Жена и сын не спали, кинулись к нему.

— Живой, — выдохнула жена и замолчала. Стала помогать снимать куртку, а сын стоял, прислонившись к дверному косяку, и тоже молча смотрел на них. Говорить никому не хотелось...

Босиком по стеклу

Мне часто во время чрезвычайных происшествий врезается в память что-то одно. Может, не самое важное, но какое-то пронзительно-яркое. Так у меня было и вчера, во время прилёта в Белгород, когда укрофашисты обстреляли наш мирный город.

Где-то ближе к четырём утра я стоял возле ленточки оцепления, беседовал с полицейским, а вся дорога была усыпана стеклом из многоэтажки на улице Маяковского. Стекло лежало густо и хрустело под подошвами, перебивая этим хрустом даже вой сирен и гомон ошеломлённых людей. Этот хруст ввинчивался в барабанные перепонки безысходностью и непониманием. И тут из-за поворота появилась женщина. Одета явно в домашнее и... босиком. По стеклу. Полицейский пытался объяснить, что нет прохода, но женщина, явно ничего не видя перед собой, жутким грудным голосом проорала:

— Родители у меня там! — И побежала в сторону разбитых домов. Босиком. По стеклу..

Мы смотрели ей вслед, и у полицейского играли желваки на лице. От сочувствия. От не-

возможности помочь, утешить. И от невозможности исправить, уберечь, защитить. А я думал. О том, кем же нужно быть, чтобы так, ракетами бить по мирному городу? А потом злорадствовать в пабликах по поводу ужаса. По поводу погибших. А ещё думал о том, сколько таких, босиком по стеклу, было уже на Донбассе и у нас. И дело не в изрезанных ногах, а в изрезанных душах. Они тоже в такие моменты босые, беззащитные...

Морали не будет, друзья. Просто картинка. Стекло и босые ноги. Это мы. Сейчас...

Водитель

Саня Ермолаев тоскливо посмотрел на шумную компанию и вышел во двор покурить. Он уже несколько дней был в отпуске, и надо ж такому случиться — Ленка, одноклассница, позвала его на свой день рождения. Ленка Сане нравилась всегда: красивая, задорная, с чёрным разлётом бровей и горделиво вздёрнутым носиком. Всего пару дней назад, когда он пришёл в супермаркет, увидела его и ухватила за рукав:

— Санечка! Вернулся! Тётя Оля говорила, что ты на СВО был...

Саня растерялся немного, кивнул неловко и утонул в искрящихся Ленкиных глазах.

— Так, Саша, у меня день рождения послезавтра! Я тебя жду! И не спорь, отказ не принимается! — Одноклассница решительно тряхну-

ла головой и чмокнула отпускника в щёку. И он припёрся на этот день рождения...

Ермолаев решительно отбросил окурок и посмотрел на дорогу, подумывая, а не уйти ли отсюда к чёртовой матери, чтобы не выслушивать очередные шутки. Но потом вздохнул и поплёлся обратно.

Вообще к мирной жизни Сашка привыкал тяжело. Уже почти неделю дома, но без бронжилета и автомата неуютно было ходить, засыпать. А привычка пригибаться будто намертво въелась в его анатомию. Ермолаев и так не был атлетом, но сейчас, вечно ссутуленный да в гражданской одежде, из которой исхудал за шесть месяцев СВО, и вовсе ничем не напоминал гордого вояку.

Другое ли дело остальные отдыхающие. Особенно этот, прищуренный. Он Сашке не понравился.

вился сразу. Шеголеватый, с уверенными движениями — явно был давно знаком с остальными и считался у них кем-то вроде лидера. Даже Ленку поздравлял не так, как остальные. Пришёл на днюху последним. Цапнул виновницу торжества по-хозяйски, крепко поцеловал в губы, отчего одноклассница покраснелась вся, и только потом подошёл знакомиться.

— Дмитрий, — протянул он Ермолаеву ладонь и глянул с прищуром, будто целился.

— С-саня... — Ермолаев неловко поздоровался.

Под Харьковом его контузило, потому появилось лёгкое заикание. Но, несмотря на угрозы взводного, Саня не захотел ехать в госпиталь, чтобы пацанов не оставлять. Да и «Урал» свой бросать на другого водителя... В общем, Сашка остался служить.

Однополчане беззлобно подтрунивали над бойцом, что остался не только Сашка, но и его заикание, потому и паёк положен двойной. Впрочем, заикание появлялось только в спокойной обстановке. А под обстрелами или когда на колонну нападали, заикание улетучивалось вмиг, будто и не было его.

Прищуренный хмыкнул и спросил:

— Говорят, на фронте был? Кем?

— В-водитель, — занервничал Ермолаев.

— Во-о-о-одитель? — растягивая нарочито-удивлённо это слово, Дмитрий покосился на остальную компанию: — Ну, понятно. Доблестная служба тыла! Портянки, небось, подвозил?